Джорджъ Кеннанъ

РУССКІЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1906. — ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

Типографія А. А. Гольдберга, Лиговская, 57.

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ.

Участь „приговореннаго". — Лишеніе всѣхъ гражданскихъ правъ. — Жизнь въ каторжномъ отдѣленіи. — Подвергаются-ли тюремные узники розгамъ или пыткамъ? — Вліяніе одиночнаго заключенія въ крѣпостныхъ казематахъ. — Отправленіе въ Сибирь. — „Ломка характеровъ" политическихъ преступниковъ. — Бредъ помѣшанныхъ политическихъ преступниковъ. — „Фиктивные браки". — Фотографія государыни. — Помѣшанный политическій узникъ Плотниковъ. — Не преувеличены ли разсказы ссыльныхъ о тюремной жизни. — Домъ предварительнаго заключенія. — „Трубные клубы" политическихъ преступниковъ. — Тюремное празднованіе сотой годовщины 14 іюля.

При обсужденіи жизни политическихъ узниковъ, въ Петропавловской крѣпости читатель долженъ помнить, что мужчины и женщины, томящіеся мѣсяцы и годы въ нѣмыхъ казематахъ Трубецкого бастіона, не были подвергнуты суду. Они отнюдь не принадлежатъ къ приговореннымъ преступникамъ, выносящимъ законное наказаніе за проступки, въ которыхъ они были бы надлежащимъ образомъ уличены на судѣ; скорѣе это люди, виновность которыхъ сомнительна, но которые лишены на неопредѣленное долгое время права представить свою самозащиту и подвергаются такому содержанію, какъ будто бы вина ихъ была внѣ сомнѣнія. Что весьма значительный процентъ заключенныхъ въ тюрьмы въ Россіи по политическимъ обвиненіямъ въ дѣйствительности принадлежитъ къ людямъ безвиннымъ — это не есть предположеніе, а фактъ, основанный на офиціальныхъ протоколахъ. Я уже имѣлъ случай указать, что изъ болѣе тысячи лицъ, арестованныхъ за участіе въ революціонной пропагандѣ 1872—1875 годовъ, только 193 были признаны подлежащими суду и изъ этого сравнительно небольшого числа 90 были оправданы судомъ, составленнымъ прави-

тельствомъ по собственному назначенію. Такимъ образомъ 90 изъ этихъ узниковъ были совершенно невиновны не только въ дѣйствительномъ преступленіи, но даже въ смутномъ и призрачномъ нарушеніи статьи 250 русскаго уголовнаго кодекса, а между тѣмъ каждый изъ нихъ до освобожденія просидѣлъ отъ 6 мѣсяцъ до 3 лѣтъ въ строгомъ одиночномъ заточеніи дома предварительнаго заключенія или въ сырыхъ могилахъ Трубецкого бастіона. Едва ли нужно доказывать, что такая система въ высшей степени произвольна и несправедлива и что подвергать по 2, по 3 года тюремному заключенію безвинныхъ людей въ ожиданіи суда по меньшей мѣрѣ жестоко. Могутъ ли такія жестокости и несправедливости оправдать насильственные способы возмездія, усвоенные террористами, это вопросъ, на который различныя націи могутъ отвѣтить различно, но, мнѣ кажется, нельзя отрицать, что заключеніе безвиннаго человѣка на 3 года въ Трубецкомъ бастіонѣ при описанныхъ мною условіяхъ и въ концѣ концовъ освобожденіе такого человѣка безъ всякаго удовлетворенія или извиненія и даже часто безъ формальнаго выслушанія на судѣ, можетъ вызвать на все. Съ этой точки зрѣнія извѣстный русскій адвокатъ Герардъ, въ процессѣ цареубійцъ въ Петербургѣ въ 1881 г., пытался доказать, что его кліентъ Кибальчичъ именно вслѣдствіе такого несправедливаго заточенія перешелъ изъ класса мирныхъ гражданъ въ революціонеры; и, очевидно, что предсѣдатель суда раздѣлялъ эти мнѣнія, но не позволилъ г. Герарду развивать эту тему; а когда послѣдній настаивалъ на томъ, то ему рѣзко было замѣчено, что „не его дѣло обсуждать мѣропріятія правительства по отношенію къ подданнымъ“.

Что несправедливое заточеніе и жестокое обращеніе до суда служитъ важнымъ факторомъ въ развитіи русскаго революціоннаго движенія ясно доказывается послѣднею исторіею 90 заключенныхъ, оправданныхъ въ процессѣ 193 въ январѣ 1878 г. Согласно приговору суда, который никакъ нельзя подозрѣвать въ милосердіи, эти 90 человѣкъ молодежи были совершенно невиновны въ какомъ бы то ни было нарушеніи законовъ. Ихъ даже нельзя было подвести подъ 250 статью русскаго уложенія о наказаніяхъ, карающую „стремленіе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспровергнуть существующій строй“, и однако они были наказаны строжайшимъ одиночнымъ заточеніемъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ, и при этомъ имъ было отказано

даже въ горькомъ утѣшеніи явиться на публичный и открытый судъ, на которомъ они могли бы хоть указать обществу на незаслуженное наказаніе, какому подверглись. Послѣдствіемъ и было то, что можно было предвидѣть: рѣдкіе изъ пострадавшихъ такимъ образомъ невинныхъ людей не сдѣлались революціонерами и въ 1885 году уже болѣе 1/3 ихъ было сослано въ Сибирь, а двое—Андрей Желябовъ и Софья Перовская—погибли на эшафотѣ, обрызганные кровью Александра II. Нельзя представить лучшаго доказательства, что этимъ путемъ возбужденія и поддерживалось революціонное движеніе въ Россіи. Посредствующими условіями, обращавшими мирную молодежь въ революціонную, были ничѣмъ неоправдываемые аресты, отказы въ теченіе безконечнаго времени въ правѣ дать объясненія въ свою защиту и продолжительныя заточенія при условіяхъ, при которыхъ люди теряли здоровье и нерѣдко умирали. Трехлѣтняго, двухлѣтняго и даже только годового одиночнаго заточенія въ казематахъ Трубецкого бастіона достаточно, чтобы раздражить и ожесточить въ высшей степени всякаго сознающаго себя невиннымъ человѣка; а если къ такому несправедливому заточенію присоединится гибель брата, сестры, жены или друга, въ тюрьмѣ, до суда, то превращеніе этихъ недобитыхъ страдальцевъ въ революціонеровъ станетъ легко объяснимымъ явленіемъ.

Но вышесказанными заключенными не исчерпываются всѣ политическіе, находящіеся въ Петропавловской крѣпости, точно также какъ казематы Трубецкого бастіона не составляютъ всѣхъ камеръ этой обширной государственной тюрьмы. Крѣпость служитъ мѣстомъ наказанія столь же удобно, какъ и мѣстомъ предварительнаго заключенія, и за ея мрачными стѣнами сокрыты не одни обвиняемые, но и осужденные. Когда грабитель, убійца или другой какъ уголовный преступникъ былъ судимъ, найденъ виновнымъ и приговоренъ къ каторгѣ, то его обыкновенно переводятъ изъ одиночнаго заключенія, гдѣ онъ находился въ ожиданіи процесса, присоединяютъ къ другимъ заключеннымъ, одинаковой категоріи и, послѣ столь долгой безплодной проволочки, отправляютъ въ Сибирь. Но если политическій преступникъ, признанный на судѣ виновнымъ, былъ приговоренъ къ каторгѣ по тому же самому своду законовъ, то для него этимъ не оканчивается одиночное заключеніе: его не отсылаютъ болѣе или менѣе поспѣшно въ Сибирь, какъ это дѣлается напр. съ преступникомъ, убившимъ топоромъ свою

мать, а засаживаютъ въ непроницаемый казематъ, извѣстный подъ именемъ „каторжнаго отдѣленія“ Петропавловской крѣпости или въ одну изъ маленькихъ клѣтушекъ „Центральной тюрьмы“ и держатъ его въ ужасномъ одиночествѣ годъ, два, три и даже 5 лѣтъ, пока онъ не сойдетъ съ ума или не будетъ отправленъ въ Карійскіе рудники. Бываютъ, конечно, и исключенія изъ этого правила, а по сообщеніямъ русскихъ чиновниковъ въ послѣднее время политическіе преступники содержатся послѣ приговора въ одиночномъ заключеніи только въ Шлиссельбургской крѣпости. Я не могъ узнать отъ ссыльныхъ, встрѣченныхъ мною въ Сибири, въ какой части крѣпости находится каторжное отдѣленіе. Вѣроятно осужденные политическіе расположены въ различныхъ бастіонахъ и равелинахъ этого обширнаго укрѣпленія, и выраженіе „каторжное отдѣленіе“ относится скорѣе къ самой категоріи заключенныхъ, чѣмъ къ извѣстной части крѣпости, гдѣ бы они были всѣ сосредоточены. Внѣшняя и матеріальная обстановка осужденныхъ мало чѣмъ отличается отъ обстановки обвиняемаго. Они живутъ въ тѣхъ же пространныхъ, но сырыхъ и темныхъ казематахъ съ высоко вдѣланными окошечками, упирающимися въ голую стѣну, съ тою же форточкою въ двери, сквозь которую производится за ними постоянное наблюденіе, и въ той же ужасной атмосферѣ вѣчной тишины. Главнѣйшая разница между ихъ жизнью и жизнью обвиняемыхъ заключается въ обхожденіи.

Когда преступникъ въ Россіи приговаривается судомъ къ каторгѣ, то приговоръ этотъ сопровождается лишеніемъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Политическій преступникъ, подвергающійся такому наказанію, перестаетъ быть гражданиномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ не только всѣ привилегіи и льготы, принадлежащія его званію или общественному положенію, но также всякое право распоряжаться своею собственностью, своею семьею и собственною личностью, а равно обращаться къ покровительству законовъ, даже если бы его жизни угрожала опасность отъ обхожденія, которому онъ подвергнутъ. Онъ въ буквальномъ смыслѣ поставленъ внѣ закона, и всякій государственный чиновникъ можетъ обходиться съ нимъ, какъ съ невольникомъ. Какъ бы ни былъ коротокъ срокъ каторги, на который онъ приговоренъ, сила этого гражданскаго отнятія правъ не уменьшается. Принадлежавшая ему до приговора собственность также переходитъ къ его законнымъ наслѣд-

никамъ, какъ бы это было въ случаѣ его смерти, или же секвеструется казной. Семья, которой онъ былъ главой, перестаетъ ему принадлежать и государство можетъ назначить опекуна его дѣтямъ. Изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія, какимъ онъ прежде пользовался, отнимается у него, и его можно сѣчь розгами или плетьми. Наконецъ, въ теченіе всего времени, называемаго офиціально „періодомъ испытанія“ и продолжающагося отъ 1½ до 8 лѣтъ, ему не позволяется имѣть собственной—постели, подушки, одѣяла, денегъ, книгъ, письменныхъ принадлежностей и сношенія съ родственниками; голову его держатъ обстриженною на половину, продольно отъ лба до затылка; онъ долженъ носить грубый сѣрый костюмъ каторжника, лежать на койкѣ каторжнаго и носить ручные и ножные кандалы, вѣсящіе 5 фунтовъ. За всякое покушеніе, произведенное хотя бы въ бреду или припадкѣ умственнаго разстройства, ему даютъ пощечины, сѣкутъ, надѣваютъ на него смирительную рубашку, приковываютъ къ стѣнѣ камеры (см. русское уложеніе о наказаніяхъ, офиціальное изданіе, статьи отъ 22 до 25 и ст. 27 и 28, 1885. г. См. также уставъ о содержащихся подъ стражей, въ XIV томѣ свода законовъ, и въ особенности уставъ о ссыльныхъ, 2 часть). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, ножные кандалы снимаются на томъ основаніи, что звонъ цѣпей можетъ облегчить сношенія между камерами и нарушить безмолвіе, которое считается существеннымъ условіемъ тюремной дисциплины. Правило, чтобы не было сношеній между осужденнымъ и его родными, соблюдается иногда до того строго, что мать даже не можетъ узнать, живъ ея сынъ или умеръ. Я встрѣтилъ въ Россіи родныхъ и близкихъ друзей Мышкина, Нечаева, Желябова и Вѣры Филиповой, которые не имѣли никакой возможности узнать, были ли несчастные узники еще въ Шлиссельбургской тюрьмѣ или умерли и похоронены.

Едва ли нужно указывать на различіе между жизнью осужденнаго и жизнью обвиняемаго, если они даже находятся въ одной крѣпости. У обвиняемаго всегда есть надежда на оправданіе на судѣ и на освобожденіе; у осужденнаго—только перспектива медленнаго умственнаго и физическаго разрушенія въ одиночествѣ во мракѣ каземата и въ заключеніе—смерть, помѣшательство или забайкальскіе рудники. „Вы не можете представить себѣ, г. Кеннанъ, говорилъ мнѣ одинъ изъ

осужденныхъ революціонеровъ въ Сибири, всѣ пытки продолжительнаго заточенія въ казематѣ крѣпости на такъ называемомъ карцерномъ положеніи. Мой казематъ былъ холоденъ, большею частью сыръ и всегда мраченъ. День за день, недѣля за недѣлей и мѣсяцъ за мѣсяцемъ я сидѣлъ въ немъ въ одиночествѣ, не слыша никакого утѣшительнаго звука и только высоко повѣшенный колоколъ крѣпостного собора, отбивая меланхолически всякую четверть часа, казалось, мнѣ говорилъ: „ты здѣсь сидишь, ты здѣсь сидишь“. Никакого дѣла у меня не было, и я могъ только шагать по своей клѣткѣ изъ угла въ уголъ и думать. Нѣкоторое время я пробовалъ разговаривать самъ съ собою шепотомъ, повторять тихо разные отрывки изъ литературы, какіе могъ вспомнить, сочинять рѣчи, которыя я могъ произнести при разныхъ воображаемыхъ обстоятельствахъ; потомъ я потерялъ даже энергію, необходимую на это, и сталъ сидѣть по цѣлымъ часамъ въ состояніи какого-то оцѣпенѣнія, въ которомъ, сколько я помню, я уже не могъ думать ни о чемъ. Къ концу перваго же года я такъ опустился умственно и физически, что началъ забывать слова. Я зналъ, какую мысль хотѣлъ выразить, но у меня ускользали слова необходимыя для этого и я съ величайшимъ трудомъ ихъ находилъ. Порой родной языкъ мнѣ казался чужимъ, или такимъ, который я за отсутствіемъ практики забылъ. Я страшно боялся сойти съ ума и этотъ страхъ еще усиливался оттого, что двое или трое изъ моихъ товарищей по камерамъ въ томъ же корридорѣ уже помѣшались или стали подвергаться галлюцинаціямъ. Я часто просыпался ночью и впадалъ въ жестокую нервную дрожь, слышалъ ихъ истерическія рыданія или крики къ сторожу съ просьбой войти и убрать кого-то или что-то, ими воображаемое, или ихъ стоны и мольбы, когда, въ случаѣ сильнаго бреда, жандармы ихъ привязывали къ кровати. Невозможность видѣть, что происходило въ камерахъ, откуда неслись эти стоны и крики, давала, конечно, только еще большую игру моему воображенію, и я самъ впадалъ въ истерику. Иногда, когда мнѣ казалось, что я теряю самообладаніе, я просилъ къ себѣ крѣпостного врача или фельдшера, которые обыкновенно давали мнѣ дозу бромистаго калія и уговаривали меня не волдоваться, говоря, что ничего серьезнаго не произошло, а только нвое или трое изъ заключенныхъ были больны и бредили и

что на это не зачѣмъ мнѣ обращать вниманія. Такъ какъ при крѣпости больницы не полагается, то помѣшанныхъ, не находящихся въ бреду, лечили въ ихъ каморкахъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ переводили въ больницу или домъ для сумасшедшихъ: когда убѣждались въ ихъ неизлечимости, или когда уходъ за нимъ становился слишкомъ обременительнымъ. Вліяніе вѣчной тишины одиночества и отсутствія всякаго умственнаго занятія дѣйствовало значительно сильнѣе еще вслѣдствіе недостатка тѣлеснаго упражненія и хорошаго питанія. Обвиняемымъ, сидящимъ въ Трубецкомъ бастіонѣ въ ожиданіи суда, разрѣшается имѣть деньги на рукахъ у смотрителя и тратить ихъ на бѣлый хлѣбъ, овощи, чай, табакъ и т. п. и вообще восполнять недостатки тюремнаго содержанія; но мы, осужденные, должны питаться только чернымъ хлѣбомъ, похлебкой, которую часто невозможно ѣсть, потому что отпускаемое для насъ мясо обыкновенно воруется, и небольшимъ количествомъ каши, недостаточно посоленной и на половину недоваренной. Такая пища, вмѣстѣ съ сырымъ, тяжелымъ воздухомъ каземата при отсутствіи движенія, причиняетъ разстройство пищеварительныхъ органовъ и затѣмъ доводитъ до болѣе или менѣе ясно выраженныхъ признаковъ скорбута. Г-жа Лебедева, бывшая въ одномъ со мною отдѣленіи, страдала до того скорбутомъ, что ея зубы шатались, а десны распухли, и она не могла жевать тюремнаго хлѣба, не размочивъ его прежде въ теплой водѣ. Скорбутъ, даже въ своемъ начальномъ періодѣ, усиливаетъ, конечно, умственное угнетеніе, происшедшее вначалѣ отъ другихъ причинъ, и дѣлаетъ его едва выносимымъ. Я никогда не замышлялъ серьезно самоубійства, мнѣ всегда казалось трусостью избѣгнуть страданій лишеніемъ жизни, но я размышлялъ о возможности самоубійства и обдумывалъ, какимъ бы образомъ я могъ убить себя въ казематѣ, гдѣ рѣшительно не имѣлось никакого орудія для самоубійства. Однажды я дошелъ до того, что сталъ разсуждать, не могу ли повѣситься на узкой цилиндрической трубкѣ, выдававшейся отъ кирпичной печки на два, три дюйма въ мою каморку. Я не намѣревался дѣйствительно покуситься на свою жизнь, но я ощущалъ болѣзненное любопытство испытать, почему бы я не могъ этого сдѣлать подобнымъ путемъ. Но лишь только я налегъ на трубу, какъ тотчасъ же изъ нея вывалилось нѣсколько кирпичей, шумъ паденія которыхъ на полъ обратилъ вниманіе корридорнаго сто-

рожа. Меня немедленно перевели въ другую камеру, и я ужъ болѣе ни разу не возвращался къ этой попыткѣ. Говорятъ, что Гольденбергъ лишилъ себя жизни въ тюрьмѣ, но я рѣшительно не постигаю какъ это ему удалось сдѣлать. Мнѣ кажется, что можно лишить себя жизни въ казематѣ только прокусивши артерію, или разбивши свою голову о стѣну, но я сталъ такъ слабъ, что едва ли могъ бы разбить свой черепъ послѣднимъ способомъ."

Я вовсе не имѣю намѣренія ни возстановлять противъ русскаго правительства, ни возбуждать сочувствія къ русскимъ революціонерамъ преувеличеніемъ страданій осужденныхъ преступниковъ въ каторжномъ отдѣленіи Петропавловской крѣпости. Я желаю передать лишь то, что имѣю полнѣйшее основаніе признать достовѣрнымъ. Степнякъ и кн. Кропоткинъ по всѣмъ собраннымъ мною свѣдѣніямъ, слишкомъ сгустили краски при описаніи жизни осужденныхъ политическихъ преступниковъ. Изъ 50 и даже болѣе крѣпостныхъ узниковъ, съ которыми я свелъ знакомство въ Сибири, ни одинъ не слыхивалъ о камерахъ, расположенныхъ будто бы ниже уровня воды въ Невѣ, ни о знаменитомъ письмѣ, написанномъ Нечаевымъ собственною кровью, ни о наказаніи политическихъ —плетьми, ни о единомъ случаѣ употребленія пытокъ. Я не могу утверждать, что показанія Степняка и князя Кропоткина относительно этихъ пунктовъ не точны или лишены основанія; но справедливость обязываетъ меня сказать, что они не подтвердились при моей провѣркѣ. Естъ въ крѣпости каморки съ такой влажной атмосферой, что соль и сахаръ распускаются и разжижаются послѣ 5 часового нахожденія въ нихъ и эти каморки отводятся иногда подъ политическихъ, но онѣ не ниже уровня Невы. Нечаевъ былъ прикованъ къ стѣнѣ своей камеры въ наказаніе за то, что нанесъ ударъ шефу жандармовъ Потапову, но до этого съ нимъ обращались хорошо, и ни одинъ изъ сибирскихъ ссыльныхъ не могъ мнѣ подтвердить факта, чтобы Нечаевъ былъ высѣченъ или писалъ собственною кровью письмо Александру III или кому другому. Осужденные политическіе преступники нерѣдко бывали биты сторожами и ружейными прикладами и кулаками, но мнѣ неизвѣстно ни одного случая наказанія плетьми, хотя по закону и это наказаніе разрѣшается. Что же касается до пытки, то я не думаю, чтобы она въ послѣднее время примѣнялась въ крѣпости или

ной тюрьмѣ Европейской Россіи. Одинъ изъ видныхъ революціонеровъ, хорошо извѣстный Степняку, который написалъ даже его біографію, говорилъ мнѣ въ Сибири: „Увѣряю васъ, г. Кеннанъ, въ наше время въ крѣпости мы никогда не слыхали о пыткахъ. Въ теченіе моего долголѣтняго тюремнаго заключенія нѣкоторое отдаленное сходство съ пыткой имѣло лишь насильственное захлороформированіе. Оболешева и Витаніевой для того, чтобы въ безчувственномъ состояніи снять съ нихъ фотографическіе портреты. Оболешевъ и Витаніева были посажены въ крѣпость по подозрѣнію въ соучастіи въ убійствѣ ген. Мезенцева. Они не давали снять съ себя фотографическіе карточки, а для того и были захлороформированы. Съ Витаніевой удалось снять фотографію, но Оболешева хлороформомъ привели только въ возбужденное состояніе, которое помѣшало фотографу достигнуть цѣли. Присутствовали при этомъ жандармскій офицеръ, майоръ Никольскій, крѣпостной врачъ, докторъ Вилисъ и нѣсколько тюремныхъ надзирателей. И то многіе изъ надзирателей были возмущены этимъ насиліемъ, а одинъ изъ нихъ прямо отказался держать барахтавшагося узника, говоря, что они не палачи и что это не входитъ въ обязанность тюремныхъ служителей.

Большею же частью, однако, описанія крѣпостной жизни у Степняка и князя Кропоткина гораздо ближе подходятъ къ результатамъ моихъ изслѣдованій, чѣмъ описанія почтеннаго Г. Линсделя и еще одного или двухъ англійскихъ путешественниковъ, посѣтившихъ и поверхностно осмотрѣвшихъ Трубецкой бастіонъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Не можетъ быть сомнѣнія, я по крайней мѣрѣ въ томъ не сомнѣваюсь ни на минуту, что продолжительное одиночное заключеніе въ одномъ изъ казематовъ русской крѣпости, безъ книгъ, письменныхъ принадлежностей, безъ постели, безъ собственной пищи, безъ всякаго сношенія съ вольнымъ міромъ, составляетъ гораздо болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ смерть. Г-жа Вѣра Филипова, очень извѣстная революціонерка и красивая и образованная дама, которая была судима и осуждена въ Петербургѣ въ 1884 году, просила какъ послѣдней милости, чтобы ее повѣсили, а не заморили въ Шлиссельбургской крѣпости, но ея просьба не была уважена. Самоубійства и покушенія на него въ крѣпостныхъ казематахъ бываютъ относительно часто, и осужденные политическіе нерѣдко наносятъ удары или офицерамъ или сторожамъ въ надеждѣ, что ихъ за это подверг-

нутъ военному суду и разстрѣляютъ. Предсѣдатель одного русскаго окружного суда, съ которымъ я познакомился на моемъ обратномъ пути изъ Сибири, говорилъ мнѣ, въ отвѣтъ на мои разспросы, что революціонеръ Мышкинъ былъ такимъ образомъ разстрѣлянъ въ Шлиссельбургской крѣпости лѣтомъ 1885 года за оскорбленіе дѣйствіемъ крѣпостного врача. Окончательно отчаявшись, узникъ рѣшился уморить себя голодомъ, и крѣпостной врачъ былъ посланъ въ его камеру, чтобы питать его насильно. Мышкинъ ударилъ врача и былъ казненъ. Важный судебный чиновникъ, сообщившій мнѣ эти свѣдѣнія, не былъ ни революціонеръ, ни даже изъ сочувствовавшихъ этой партіи; разсказалъ онъ все это сухо, безъ всякихъ комментаріевъ и выраженій соболѣзнованія, такъ что я не имѣю повода не вѣрить истинности его разсказа.

Безчеловѣчность, съ какою содержатся осужденные политическіе преступники въ каторжномъ отдѣленіи Петропавловской крѣпости, лучше всего доказывается физическимъ состояніемъ этихъ узниковъ при ихъ освобожденіи. Въ апрѣлѣ 1883 года, департаментъ государственной полиціи прислалъ приказъ коменданту крѣпости составить большую партію изъ политическихъ осужденныхъ для отправки въ сибирскіе рудники. Комендантъ, послѣ совѣщанія съ крѣпостнымъ врачемъ и съ офицеромъ, назначеннымъ сопровождать этотъ конвой, донесъ, что большая часть политическихъ преступниковъ, поименованныхъ въ приказѣ, были такъ слабы, что не могли бы, вѣроятно, вынести и 3-хъ дней пути, что болѣе половины изъ нихъ не могутъ стоять на ногахъ безъ сторонней поддержки и что конвойный офицеръ согласенъ принять заключенныхъ, находящихся въ такомъ физическомъ изнуреніи, лишь подъ условіемъ, что съ него будетъ снята всякая отвѣтственность за смертность, которая произойдетъ въ дорогѣ. Въ виду такого положенія комендантъ предложилъ назначенныхъ къ ссылкѣ преступниковъ перевести въ домъ предварительнаго заключенія, дабы они тамъ, при лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ, могли настолько набраться силъ и поправиться, чтобы перенести путешествіе въ Сибирь. Согласно съ этимъ предложеніемъ, директоръ департамента полиціи распорядился, чтобы 22 узника, включая въ то число 6 женщинъ, были перемѣщены изъ казематовъ крѣпости въ относительно свѣтлыя и вентилированныя камеры одного изъ верхнихъ этажей дома предварительнаго

заключенія. Вотъ имена, возрастъ, профессіи, общественное положеніе и сроки наказанія этихъ лицъ: 1) Анна Павловна Корба, 32 лѣтъ, учительница, а потомъ, въ продолженіе русско-турецкой войны 1877—78 г., сестра милосердія Краснаго Креста въ одномъ изъ передовыхъ полевыхъ госпиталей; 20 лѣтъ каторги. 2) Анна Якимова, 27 л., учительница; пожизненная каторга. 3) Прасковья Ивановская, 30 л., учительница; пожизненная каторга. 4) Татьяна Лебедева, 31 г., учительница; пожизненная каторга. 5) Надежда Смирницкая, 31 г., слушательница высшихъ женскихъ курсовъ; 15 лѣтъ каторги. 6) Антонина Ликовская, 26 л., слушательница курсовъ; 4 года каторги (умерла отъ чахотки на Карійскомъ рудникѣ за 5 недѣль до моего прибытія туда). 7) Мирскій, 26 л., студентъ; пожизненная каторга (высидѣлъ 4 года въ Алексѣевскомъ равелинѣ). 8) Волошенко, 31 г., студентъ; пожизненная каторга. 9) Нагорный, 25 л., студентъ; пожизненная каторга. 10) Фоминъ, 25 л., армейскій офицеръ; пожизненная каторга. 11) Евсѣевъ, 26 л., крестьянинъ; пожизненная каторга. 12) Златопольскій, 35 л., технологъ; 20 лѣтъ каторги. 13) Прибылевъ, 25 л., врачъ; 15 лѣтъ каторги. 14) Калюжный, 26 л., студентъ; 15 лѣтъ каторги. 15) Орловъ, 27 л., студентъ; 13 лѣтъ каторги. 16) Новицкій, 29 л., студентъ; 12 лѣтъ каторги. 17) Геккеръ, 19 л.; 10 лѣтъ каторги. 18) Стефановичъ, 30 л., студентъ; 8 лѣтъ каторги. 19) Люстигъ, 27 л., армейскій офицеръ; 4 года каторги. (Я видѣлъ Люстига въ Иркутской тюрьмѣ въ сентябрѣ 1885 г., но не имѣлъ случая говорить съ нимъ на единѣ). 20) Кузюмкинъ, 21 г., крестьянинъ; 4 года каторги. 21) Емельяновъ, 22 л. (Фриденсонъ). Изъ перевезенныхъ преступниковъ 6 были уже въ развитомъ періодѣ чахотки, а 12 были до того слабы, что не могли ни ходить, ни стоять, и были перенесены изъ казематовъ въ экипажи или на рукахъ сторожей, или на носилкахъ. (Эти 12 были: г-жи: Якимова, Смирницкая, Корба и мужчины: Златопольскій, Люстигъ, Волошенко, Нагорный, Калюжный, Мирскій, Геккеръ, Фриденсонъ и Емельяновъ). Въ домѣ предварительнаго заключенія стали лечить эти полуразрушенныя существа, кормить питательной пищей и давать укрѣпляющія средства, и черезъ 3 мѣсяца всѣ они, за исключеніемъ Фриденсона и Емельянова, поправились настолько, что могли быть отправлены въ Сибирь. Правда, Орловъ и г-жа Лебедева продол-

жали страдать скорбутомъ, а остальные походили скорѣе на собственныя тѣни, но ихъ признавали официально достаточно крѣпкими, чтобы предпринять мучительное путешествіе, чуть не въ 5,000 миль, въ забайкальскіе рудники.

„Я никогда не забуду, говорилъ мнѣ одинъ изъ этихъ сосланныхъ, шедшихъ съ партіею въ Сибирь, послѣдней ночи въ домѣ предварительнаго заключенія передъ нашей отправкой. То была ночь съ 24 на 25 іюля 1883 года. Среди политическихъ ходилъ слухъ, что на слѣдующее утро отправляется большая партія въ Сибирь, но никто не зналъ, кто съ ней будетъ отправленъ, и всѣ не ложились и бодрствовали. Вплоть до полуночи я не замѣчалъ никакихъ необычныхъ звуковъ, какъ вдругъ сосѣдняя камера открылась, и я услыхалъ, какъ мимо моей двери раздалась знакомая походка стараго моего друга и товарища, сидѣвшаго уже давно въ тюрьмѣ и, котораго я не видалъ со времени нашей ранней юности, когда мы вмѣстѣ дышали вольнымъ воздухомъ и рука объ руку работали надъ осуществленіемъ нашихъ стремленій. Партія каторжниковъ, очевидно, уже составлялась, и мой другъ долженъ былъ идти съ ней въ забайкальскіе рудники. Черезъ 10 или 15 минутъ я снова услыхалъ его возвращающіеся шаги, но они не были уже столь быстры и увѣренны, какъ прежде, и сопровождались рѣзкимъ металлическимъ звяканіемъ цѣпей; на него были надѣты ножныя кандалы. Я зналъ, конечно, что это неизбѣжное условіе, и тѣмъ не менѣе этотъ первый звукъ цѣпей потрясъ меня смутнымъ чувствомъ ужаса. Мнѣ казалось невѣроятнымъ и чудовищнымъ, чтобы человѣкъ, котораго я любилъ, какъ брата и считалъ воплощеніемъ всего прекраснаго, честнаго и великодушнаго, былъ теперь закованъ, какъ обыкновенный придорожный разбойникъ, и собирался идти въ каторгу. Въ нервномъ возбужденіи я сталъ мѣрить шагами свою клѣтку, но, когда одинъ за другимъ изъ заключенныхъ въ моемъ корридорѣ уводились въ тюремныя мастерскія и возвращались съ звономъ кандаловъ, я, наконецъ, не выдержалъ и, бросившись на свою постель, закрылъ голову подушкой и одѣяломъ, чтобы не слышать, если возможно, этого ненавистнаго лязга цѣпей.

„Около 3-хъ часовъ утра надзиратель отворилъ дверь моей кельи и сказалъ: „идите!“ Я послѣдовалъ за нимъ въ тюремную канцелярію, гдѣ конвойный начальникъ сдѣлалъ тщательный осмотръ моей личности, сравнилъ мои примѣты съ харак-

теристичными чертами описанія, находившагося въ его рукахъ, а также съ фотографіей, снятой съ меня вскорѣ послѣ моего ареста, и, оставшись повидимому удовлетвореннымъ этой провѣркой, принялъ меня отъ тюремныхъ властей. Потомъ меня быстро свели черезъ нѣсколько этажей въ кордегардію, въ большую комнату нижняго этажа, передъ дверью которой стоялъ вооруженный часовой. Обширная, но низкая и мрачная, комната была тускло освѣщена 5 маленькими лампами и свѣчами, а посрединѣ ея, за двумя длинными непокрытыми столами, сидѣли 10 или 15 мужчинъ и женщинъ въ грубыхъ сѣрыхъ костюмахъ каторжныхъ и пили чай. Головы мужчинъ были на половину выбриты, всѣ они носили цѣпи и ножные кандалы, а на спинѣ у каждаго замѣчались два черныхъ бубновыхъ туза, какъ признакъ приговореннаго къ тяжелымъ каторжнымъ работамъ. Подлѣ дверей стояла небольшая группа изъ 6—8 жандармовъ въ формѣ и чиновъ сыскной полиціи, наблюдавшихъ внимательно за преступниками и потомъ передававшихъ другъ другу результаты своихъ наблюденій. Тишина комнаты только нарушалась слабымъ шипѣніемъ 2—3 мѣдныхъ самоваровъ и случайнымъ лязгомъ цѣпей при движеніи кого-нибудь изъ преступниковъ. Всѣ молчали, и никогда стороннему наблюдателю не пришло бы въ голову, что эти сѣрыя фигуры, сидѣвшія другъ подлѣ друга за столомъ, были близкіе друзья, а иногда и родственники, которые, послѣ продолжительнаго пребыванія въ крѣпостныхъ казематахъ видѣли теперь другъ друга въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ разлуки.

„Когда я вступилъ въ комнату, одинъ изъ узниковъ, котораго я сначала не узналъ, хотя онъ былъ мой старый и испытанный другъ, устремился мнѣ на встрѣчу и, обнимая меня, успѣлъ шепнуть мнѣ: „дѣлай видъ, что никого не знаешь здѣсь, кромѣ меня: жандармы слѣдятъ“. Я понялъ предостереженіе. Полиціи дѣйствительно было мало извѣстно о прошлыхъ отношеніяхъ многихъ политическихъ преступниковъ, которые были теперь собраны вмѣстѣ, а потому было нежелательно подавать ей нить къ какой-нибудь прежней исторіи черезъ обнаруженіе своихъ знакомствъ, ибо достаточно было выказать волненіе при встрѣчѣ двухъ предполагаемыхъ незнакомыми другъ другу лицъ, чтобы ихъ обоихъ вернули снова въ казематъ для разслѣдованія ихъ взаимныхъ отношеній. Это и служило при-

чиной молчанія, царившаго въ этой мрачной комнатѣ и того кажущагося равнодушія, съ которымъ узники поглядывали другъ на друга. Съ виду они казались чуждыми другъ другу, тогда какъ на самомъ дѣлѣ были связаны вмѣстѣ безчисленными узами дружбы и воспоминаніями прошлаго; и требовалось большое самообладаніе, чтобы сохранять такое равнодушіе, когда, глядя другъ другу въ лицо, они замѣчали перемѣны, которыя наложили время и страданіе. За столомъ находился нашъ старинный товарищъ, о которомъ мы не слыхали цѣлые годы и всѣ котораго считали давно умершимъ. На другомъ концѣ помѣщались молодой человѣкъ и его невѣста, въ теченіе 5 лѣтъ не видѣвшіе другъ друга и не смѣвшіе и теперь поговорить на глазахъ жандармовъ. Подлѣ нихъ сидѣла блѣдная, худощавая женщина лѣтъ 27 съ хиленькимъ, рожденнымъ въ въ крѣпости ребенкомъ на рукахъ; она съ тревогой оборачивалась всякій разъ, какъ отворялась дверь, въ надеждѣ, что ея мужъ будетъ отправленъ тоже въ этой партіи, а между тѣмъ многимъ изъ насъ было извѣстно, что ея мужъ умеръ, но никто не смѣлъ сказать ей, что она напрасно его поджидаетъ.

„Трудно представить себѣ зрѣлище трагичнѣе происходившаго въ этой мрачной залѣ въ $4^1/_2$ часа утра, когда былъ введенъ послѣдній изъ осужденныхъ узниковъ. Странная и неестественная тишина въ комнатѣ, наполненной людьми, контрастъ между голубыми и блещущими серебромъ мундирами жандармовъ и грубыми сѣрыми одеждами, цѣпями и ножными кандалами преступниковъ, осторожное перешептываніе полицейскихъ и молчаніе и притворное равнодушіе блѣдныхъ, изнуренныхъ и полуобритыхъ колодниковъ — должны были даже на случайнаго зрителя произвести надолго памятное и тягостное впечатлѣніе. Но для того, кто могъ оцѣнить трагическое значеніе этой сцены и понять тотъ горячій приливъ ненависти, муки, любви и состраданія, который бурлилъ въ это время подъ этими сѣрыми кафтанами, сцена эта была не просто тяжелой, а ужасной и надрывающей сердце.

„Въ 5 часовъ насъ перевезли въ закрытыхъ экипажахъ на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги. Тамъ посадили насъ въ арестантскій вагонъ съ рѣшетчатыми окнами, и мы тронулись въ наше долгое и богатое приключеніями путешествіе въ Сибирь. Я не въ состояніи былъ бы описать, если

бы даже хотѣлъ, того, что произошло въ вагонѣ, когда мы наконецъ освободились отъ наблюденiй жандармовъ, и могли смѣло обнять другъ друга и разсказать, что нами было пережито во время многихъ лѣтъ нашей насильственной разлуки. Злоключенiя въ сущности были одинаковыя, и каждый разсказъ являлся безконечной эпопеей страданiя. Мы проговорили цѣлый день и, быть можетъ, готовы были говорить и всю ночь, если бы нервы наиболѣе слабыхъ членовъ нашей партiи въ состоянiи были выдержать потрясенiе отъ этого внезапнаго наплыва новыхъ впечатлѣнiй. Для узника, проведшаго годы въ тишинѣ и уединенiи непроницаемаго каземата, этотъ шумъ и гамъ поѣзда, непривычный видъ вольнаго божьяго мiра, лица и голоса друзей, казалось внезапно вышедшихъ изъ могилы — все это дѣйствовало вначалѣ слишкомъ возбуждающимъ образомъ, но вскорѣ возбужденiе это смѣнилось полнымъ упадкомъ силъ. Еще ранѣе вечера съ однимъ изъ моихъ товарищей вдругъ сдѣлался истерическiй припадокъ, а менѣе чѣмъ черезъ 10 минутъ 7 человѣкъ въ нашемъ вагонѣ впали въ какой-то бредъ или лежали на полу въ безсознательномъ состоянiи. Одни изъ нихъ неистовствовали и кричали, другiе впали въ долгiй обморокъ, который можно было принять за смерть. Призванъ былъ врачъ, сопровождавшiй поѣздъ, употреблены были возбуждающiя средства, спрыскивали водой блѣдныя и помертвѣлыя лица и сдѣлано было все, что нужно, для приведенiя страдальцевъ въ нормальное состоянiе; но къ ночи въ вагонѣ только и раздавались стоны и истеричныя рыданiя; при чемъ женщины — особенно Анна Павловна Корба, обладавшая большею твердостью и самообладанiемъ, чѣмъ многiе изъ мужчинъ, переходили отъ одного обморочнаго или истеричнаго къ другому съ ободряющими и возбуждающими словами утѣшенiя. По прiѣздѣ въ Москву пришлось почти половину партiи перенести на рукахъ стражей въ экипажи, и наше путешествiе было прервано на время, пока эти больные поправятся".

Читателю можетъ показаться, что приводимый разсказъ, переданный мнѣ сначала устно, а потомъ по моей просьбѣ изложенный на бумагѣ, преувеличенъ и слишкомъ разсчитанъ на эффектъ; я, съ своей стороны, могу только сказать, что о состоянiи этой партiи мнѣ говорили то же самое и другiе, и не только политическiе, но и чиновники изъ администрацiи ссыльныхъ. Одинъ изъ числа послѣднихъ, видѣвшiй

партію послѣ отправки изъ Москвы и до переѣзда сибирской границы, разсказывалъ, что преступники, составлявшіе ее, были частью въ падучей болѣзни, а остальные являлись какими-то руинами человѣческихъ существъ, падавшими въ обморокъ при малѣйшемъ возбужденіи. Полагаю, что онъ не пустился бы со мною въ такія откровенности, если бы не желалъ выставить ихъ, въ числѣ аргументовъ, что положеніе политическихъ въ Сибири и даже въ рудникахъ несравненно лучше, чѣмъ въ крѣпости и центральныхъ тюрьмахъ Европейской Россія.

Я никогда не могъ добиться отъ русскихъ чиновниковъ удовлетворительнаго объясненія, почему, когда осужденнымъ убійцамъ, разбойникамъ и вообще всѣмъ уголовнымъ преступникамъ разрѣшается свободное сожительство и общеніе между собою въ пересыльныхъ тюрьмахъ и они при первой возможности пересылаются въ Сибирь, политическіе въ то же время остаются заточенными въ крѣпостныхъ казематахъ или въ секретныхъ камерахъ центральныхъ тюремъ, гдѣ ихъ содержатъ многіе годы въ самомъ строгомъ одиночествѣ и отправляютъ въ Сибирь лишь тогда, когда ихъ организмъ окончательно разрушенъ физически жестокимъ обращеніемъ, лишеніемъ и одиночествомъ? По слухамъ, распространеннымъ между сосланными въ Сибири, это дѣлается для того, какъ объяснилъ при устройствѣ каторжнаго отдѣленія въ Петропавловской крѣпости послѣдній директоръ департамента полиціи, котораго я намѣренно не называю—чтобы „сломить характеръ“ политическихъ преступниковъ. Я не знаю навѣрное, было ли сдѣлано такое объясненіе или нѣтъ, но если оно было сдѣлано, то это объясненіе ясно и коротко выражаетъ дѣйствительную цѣль этой жестокой системы наказанія. Архивы русскихъ домовъ для умалишенныхъ, и въ частности казанскаго, при ихъ изученіи, лучше всего покажутъ, въ какой мѣрѣ и предѣлахъ достигается подобная ломка характеровъ политическихъ преступниковъ.

Въ октябрѣ 1880 г. въ мценскую тюрьму доставлена была партія политическихъ, только-что отсидѣвшихъ 4 — 5 лѣтъ одиночнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости и въ центральной харьковской тюрьмѣ и теперь пересылаемыхъ въ рудники Восточной Сибири. Счастливый случай помогъ мнѣ найти въ разныхъ мѣстахъ Сибири въ 1885 г. еще въ жи-

выхъ нѣкоторыхъ политическихъ изъ этой партіи, а также познакомиться, около Иркутска, съ однимъ ссланнымъ журналистомъ X, находившимся въ мценской тюрьмѣ, когда эта партія туда пришла; положеніе ихъ было крайне жалкое. Двое изъ пересылаемыхъ—Плотниковъ и Донецкій—были безнадежно помѣшанные, трое или четверо были подвержены истерикѣ или галлюцинаціямъ, а всѣ остальные до того слабы, изнурены и болѣзненны, что признали нужнымъ пріостановить ихъ дальнѣйшую пересылку въ Сибирь, пока они сколько нибудь наберутся силъ и здоровья при питательной пищѣ и укрѣпляющихъ средствахъ.

Больно было видѣть (говорилъ мнѣ X, описывая положеніе этихъ несчастныхъ), какъ умственныя силы многихъ были разрушены мучительнымъ содержаніемъ и одиночествомъ. Донецкій, передъ арестомъ, заключилъ фиктивный бракъ съ молоденькой дѣвушкой въ одномъ провинціальномъ городкѣ съ тѣмъ, чтобы освободить ее отъ патріархальнаго домашняго деспотизма и дать ей возможность получить образованіе въ Петербургѣ. Во время наибольшаго умственнаго и нравственнаго пробужденія русской молодежи, вызвавшаго такъ называемое „движеніе въ народъ“, между 1870 и 1875 годами было въ обычаѣ у молодыхъ людей содѣйствовать освобожденію молодыхъ дѣвушекъ отъ родительской тираніи и пошлой жизни въ провинціи заключеніемъ такъ называемыхъ „фиктивныхъ браковъ“. Въ смыслѣ законности подобный бракъ вовсе не былъ фиктивнымъ, а напротивъ представлялъ самый формальный и крѣпкій союзъ, но только брачущіяся стороны не жили вмѣстѣ и никогда не имѣли въ виду совмѣстной жизни. Молодой человѣкъ добровольно приносилъ въ жертву будущность своего личнаго счастья и всѣ надежды на свой очагъ и семью ради освобожденія молодой дѣвушки изъ-подъ деспотическаго ига главы семьи, ради возможности для нея дальнѣйшаго образованія на пользу народа и родины. Сотни такихъ браковъ были заключены въ разныхъ мѣстахъ Россіи въ промежуткѣ между 1870 и 1875 годами, и случалось иногда, что молодые до дня бракосочетанія вовсе не видѣли другъ друга и получали свѣдѣнія другъ о другѣ отъ общихъ знакомыхъ. Бывали и такіе примѣры, что фиктивные супруги попадали вмѣстѣ въ тюрьму или въ ссылку и влюблялись другъ въ друга черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ номинальнаго брака

но, конечно, въ большей части случаевъ пути ихъ дальнѣйшей дѣятельности не соприкасались, и они всю жизнь оставались чуждыми другъ для друга. Цѣль этихъ фиктивныхъ браковъ была чистая и благородная, но способъ достиженія ея былъ весьма непрактиченъ и слишкомъ отзывался донкихотствомъ, а потому въ послѣднее время покинутъ. Когда Донецкій сидѣлъ, уже помѣшаннымъ, въ харьковской центральной тюрьмѣ, его фиктивная жена находилась въ заключеніи въ Москвѣ. Онъ разстался съ ней по выходѣ изъ церкви и послѣ того никогда ея не видѣлъ; но съ тѣхъ поръ какъ онъ помѣшался въ харьковской центральной тюрьмѣ, онъ бредилъ о ней постоянно и все поджидалъ, что она придетъ къ нему, если только правительство не помѣшаетъ ей въ томъ. Ему попалась какимъ то образомъ въ тюрьмѣ небольшая фотографическая карточка царицы, снятая съ нея, когда она еще была принцессой Дагмарой, онъ принялъ эту карточку за портретъ своей фиктивной жены и цѣлые часы проводилъ передъ ней въ страстномъ созерцаніи и восхищеніи. Въ мценкой тюрьмѣ, гдѣ его помѣстили въ большую камеру съ другимъ политическимъ преступникомъ, онъ показывалъ каждому этотъ затасканный и запачканный портретъ, говоря съ какой-то дѣтскою гордостью: „вотъ моя жена,—неправда ли, какая красавица?“ и потомъ мрачнымъ голосомъ прибавлялъ: „я просилъ ихъ многократно послать за ней, я знаю, она бы пріѣхала, но они не сдѣлаютъ этого, никогда не сдѣлаютъ!“

Что можетъ быть трогательнѣе и патетичнѣе (говорилъ X), какъ встрѣтить политическаго преступника въ цѣпяхъ и ножныхъ кандалахъ, который лучшимъ своимъ сокровищемъ считаетъ портретъ императрицы, видѣть революціонера, сведеннаго съ ума дурнымъ обращеніемъ со стороны правительства и въ то же время обожающаго жену своего государя!

Случай Плотникова, другого помѣшаннаго въ этой партіи, пришедшаго изъ харьковской центральной тюрьмы, вызываетъ еще больше на состраданіе, если только это возможно, чѣмъ случай Донецкаго. Во время своего ареста онъ былъ студентомъ московскаго университета, тихимъ, скромнымъ 20-ти лѣтнимъ юношей, привлекательнаго и симпатичнаго характера и серьезнаго и задумчиваго настроенія. Онъ былъ хорошо воспитанъ, прекрасный лингвистъ, бѣгло говорилъ на 4—5 язы-

кахъ. Въ активную революціонерную дѣятельность онъ никогда замѣшанъ не былъ, и былъ членомъ кружка московской молодежи, извѣстнаго подъ именемъ „Долгушинцевъ". Его арестовали, судили и приговорили къ каторгѣ, и никто никогда съ тѣхъ поръ о немъ ничего не слыхалъ.

Когда его привезли въ Мценскъ (говорилъ мнѣ одинъ изъ моихъ знакомыхъ)—это былъ разбитый, помѣшаный, изнуренный человѣкъ, приблизительно 28 лѣтъ, проведшій уже 8 лѣтъ въ одиночномъ заточеніи. Мнѣ неизвѣстно, какъ давно былъ онъ помѣшанъ; было лишь очевидно, что положеніе его было совершенно безнадежно, помѣшательство его имѣло религіозный характеръ и сопровождалось глубокой меланхоліей. Въ немъ еще сохранялось сознаніе, что онъ политическій преступникъ, но это сознаніе было для него источникомъ угнетенія и униженія, и онъ не любилъ вспоминать объ этомъ. Особенно онъ совѣстился своихъ цѣпей и ножныхъ кандаловъ и старался всячески скрыть ихъ. Когда я увидалъ его въ первый разъ, онъ старательно обмоталъ звенья своихъ цѣпей разными тряпками, чтобы онѣ не издавали звука при его движеніяхъ и тѣмъ не привлекали къ нему вниманія другихъ, чего онъ старательно избѣгалъ. Онъ подбиралъ тщательно остатки стараго платья, и ножныя обертки, попадавшіяся ему въ руки, и устроилъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ пестрой заплатанной юбки, которая, будучи завязана вокругъ таліи, спускалась на полъ въ видѣ женской одежды, совершенно скрывая кандалы и обмотанную тряпьемъ цѣпь. Этотъ костюмъ, вмѣстѣ съ его длинными волосами на одной половинѣ головы и обритыми на другой, придавалъ ему видъ какого-то необыкновенно страннаго существа.

Все время, пока Плотниковъ оставался въ каторжномъ отдѣленіи крѣпости и въ харьковской центральной тюрьмѣ, его мать ни разу не видала его, лишена была всякаго сношенія съ нимъ и ничего о немъ не знала; но лишь только ей стало извѣстно, что онъ переведенъ изъ Харькова въ Мценскъ и ссылается въ Сибирь, она вымолила у министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшеніе повидаться съ сыномъ въ послѣдній разъ. Если бы министръ зналъ, что Плотниковъ помѣшался, онъ, вѣроятно, не разрѣшилъ бы матери этого свиданія, но отъ высшихъ чиновъ русскаго правительства нельзя ожидать, чтобы они помнили имена всѣхъ политическихъ заключенныхъ, которымъ пришлось сойти съ ума.

Когда обрадованная и возбужденная г-жа Плотникова явилась въ мценскую тюрьму и попросила свиданья съ сыномъ, то надзиратель, вѣроятно, добродушный человѣкъ, пытался отклонить ее отъ этого намѣренія, говоря, что сынъ ея на дняхъ отправляется навсегда въ Сибирь, что онъ въ сущности для нея уже умеръ, что долгое заточеніе его страшно измѣнило и истощило и что даже для нея самой было бы лучше сохранить его въ своихъ воспоминаніяхъ тѣмъ юношей, какимъ она его видѣла въ послѣдній разъ, а не настаивать на свиданіи, которое можетъ лишь усилить горечь этихъ воспоминаній и разбередить ея раны. Но мать ни за что не поддавалась этимъ увѣщаніямъ: ей обѣщано свиданіе съ сыномъ и она его увидитъ, во что бы то ни стало. Тогда надзиратель постарался приготовить ее къ большой перемѣнѣ, происшедшей съ ея сыномъ, и, наконецъ, прямо ей передалъ, что онъ такъ разбитъ й умственно и физически, что ей не узнать его. Однако же, мать не хотѣла и вѣрить, что она не узнаетъ своего мальчика, какъ бы блѣденъ и изнуренъ онъ ни былъ тюрьмою. Видя, что всякіе аргументы, убѣжденія и предупрежденія безсильны, надзиратель повелъ мать въ комнату, предназначенную для свиданій, гдѣ сынъ ея сидѣлъ за чтеніемъ тюремной библіи. Она остановилась на мгновеніе, пораженная удивленіемъ и ужасомъ. Въ этой фигурѣ съ дикимъ, блуждающимъ взоромъ, съ худымъ пожелтѣвшимъ лицемъ, съ обритой на половину головой, въ грубой сѣрой острожной рубахѣ и въ поношенной юбкѣ—ничто не напоминало ей юношу, съ которымъ она разсталась лѣтъ 8 назадъ. Тѣмъ не менѣе при взглядѣ на него, материнскій инстинктъ подсказалъ ей, что это все-таки ея сынъ, и съ крикомъ радости, смѣшанной съ ужасомъ, она бросилась къ нему и сжала его въ своихъ объятіяхъ. Сумасшедшій отстранился отъ нея съ тревогою и смущеніемъ, и въ то время, когда онъ силился разжать ея руки и освободиться отъ ея объятій, она пристально посмотрѣла въ его глаза и—истина внезапно озарила ее. Да, передъ нею была внѣшняя оболочка ея сына, но которую покинулъ разумъ. Неожиданность этого жестокаго удара была выше ея силъ, она упала на полъ въ глубокомъ обморокѣ и въ безсознательномъ состояніи была унесена изъ комнаты. Плотниковъ былъ оставленъ въ казанскомъ для умалишенныхъ домѣ, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Приведенный разсказъ заимствованъ мною частью отъ по-

литическихъ преступниковъ, товарищей Плотникова по заключенію въ харьковской центральной тюрьмѣ, частью отъ ссыльныхъ, находившихся въ мценской тюрьмѣ, когда Плотниковъ туда былъ переведенъ и когда произошло его свиданіе съ матерью. Всѣ эти разсказчики и теперь находятся въ Сибири, по большей части въ Забайкальи.

Разсказы о тюремной жизни, почерпнутые отъ политическихъ ссыльныхъ, могутъ показаться читателю черезчуръ прикрашенными и преувеличенными, такъ какъ, по самой природѣ вещей, люди, вынесшіе такія испытанія, не могутъ относиться спокойно и безпристрастно къ фактамъ и описывать ихъ безъ преувеличенія. Я самъ вполнѣ понималъ необходимость такого скептическаго отношенія при собираніи вышеизложенныхъ фактовъ, но справедливость побуждаетъ меня сказать, что узники, съ которыми я познакомился въ Сибири, пускались скорѣе неохотно, чѣмъ съ рвеніемъ, въ повѣствованія объ этихъ ужасныхъ мѣсяцахъ и годахъ своей жизни, и если, благодаря моей настойчивости, мнѣ удавалось вызвать ихъ на сообщеніе этихъ мрачныхъ воспоминаній, то оно нерѣдко сопровождалось взрывами такого горя, которое было и для меня почти такъ же тяжело, какъ для разсказчика. Одинъ русскій писатель, имя котораго извѣстно даже въ Западной Европѣ и который сосланъ теперь въ Восточную Сибирь, пытался описать мнѣ однажды кончину въ крѣпости своего товарища, армейскаго офицера, къ которому былъ сильно и нѣжно привязанъ. До окончанія его разсказа мои глаза уже были полны слезъ, а онъ самъ шагалъ по комнатѣ, крѣпко стиснувъ руки, силясь справиться съ охватившимъ его волненіемъ, голосъ его обрывался отъ душившихъ его грудь сдерживаемыхъ судорожныхъ рыданій, — и видъ горя этого сильнаго мужчины производилъ гораздо болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ несдержанныя рыданія женщины. Ему удалось довести разсказъ свой до конца, но ужъ ни за что не хотѣлъ онъ въ этотъ вечеръ вспоминать болѣе о крѣпости. Не нашлось бы человѣка, который, слушая подобный разсказъ, заподозрилъ бы его въ преувеличеніи или пристрастіи. Нельзя такъ глубоко волноваться при передачѣ притворныхъ воспоминаній о вымышленныхъ испытаніяхъ. Если бы его императорское величество Александръ III, которому могутъ эти страницы попасть на глаза, призвалъ къ себѣ офицера, бывшаго главнымъ тюремщикомъ харьковской центральной тюрьмы въ 1880

году, а также коменданта и врача, состоявшихъ при Петропавловской крѣпости въ 1883 году и лично разспросилъ ихъ, а также, если нужно, и ихъ подчиненныхъ, объ умственномъ и физическомъ состоянiи политическихъ осужденныхъ, жившихъ въ этихъ тюрьмахъ въ означенные годы передъ высылкой въ Сибирь, то онъ узналъ бы, наконецъ, одну изъ причинъ, почему, когда онъ ѣдетъ изъ Петербурга въ Москву, необходимо для охраны пути выставлять двадцатитысячное войско.

Одна изъ самыхъ интересныхъ тюремъ въ Европейской Россiи и единственная, которую позволяется осматривать, несмотря на то, что въ ней содержатся политическiе преступники, есть домъ предварительнаго заключенiя въ Петербургѣ. Это въ строгомъ смыслѣ не политическая тюрьма, потому что большинство въ ней заключенныхъ принадлежатъ къ категорiи обыкновенныхъ преступниковъ, но по временамъ въ ней скапливается до 300 политическихъ въ ожиданiи ссылки ихъ въ Сибирь. Эта въ нѣкоторомъ родѣ показная тюрьма въ имперiи и была особенно расхвалена Генри Лансделемъ, какъ доказательство „чего Россiя можетъ достигнуть" на этомъ спецiальномъ поприщѣ. Выстроена она была въ 1873—1875 годахъ подъ наблюденiемъ особенной коммиссiи, назначенной министромъ юстицiи и министромъ внутреннихъ дѣлъ, по планамъ дѣйств. ст. сов. Маевскаго. Обошлась она болѣе чѣмъ въ 800,000 р. (около 400,000 дол. по настоящему курсу), содержитъ всѣ новѣйшiя усовершенствованiя по части отопленiя и вентиляцiи и должна служить образцомъ послѣднихъ результатовъ, добытыхъ научнымъ опытомъ въ отдѣлѣ тюремной архитектуры. Однако же одинъ тотъ фактъ, что противъ архитектора по окончанiи постройки было возбуждено уголовное преслѣдованiе по обвиненiю его въ нарушенiи строительнаго устава, свидѣтельствуетъ, что при постройкѣ зданiя допущены крупныя погрѣшности. Въ какихъ размѣрахъ оно не удовлетворяетъ своему назначенiю, можно судить по тому, что между 1875 и 1880 годами три тюремныя коммиссiи формально это признали (см. „Тюрьма и Ссылка", соч. Никитина, одного изъ директоровъ петербургскаго тюремнаго комитета, стр. 519. Петерб. 1880).

Лѣтомъ 1881 г., вооружась разрѣшенiемъ г. Галкина-Враского, начальника тюремнаго вѣдомства, я остановился у воротъ дома предварительнаго заключенiя, послалъ мою кар-

точку смотрителю и былъ тотчасъ же впущенъ. Тюрьма находится въ центрѣ города около Литейнаго проспекта, тотчасъ позади окружнаго суда. Это большое, четырехугольное, щеголеватое зданіе съ высоками сводчатыми окнами и въ глазахъ американца болѣе напоминаетъ ратушу или оперу, чѣмъ тюрьму. Внѣшность строенія составляетъ просто орнаментальную маску, предназначенную намѣренно скрыть настоящій его характеръ и цѣль. Снаружи оно представляется четырехэтажнымъ, но, вошедши въ четыреугольный внутренній дворъ, видишь, что высокія, наружныя окна фальшивыя, что зданіе въ дѣйствительности состоитъ изъ шести этажей и что всѣ камеры выходятъ въ совершенно замкнутый тюремный дворъ. Служатъ ли эти большія наружныя окна какой-нибудь практической цѣли — я не могу утвердительно сказать; одно вѣрно, что они не проводятъ свѣта въ камеры и что ни въ нихъ, ни въ другія какія-либо окна невозможно видѣть узнику внѣшній міръ. Только забравшись на неподвижно вдѣланный умывальникъ онъ можетъ видѣть четырехугольный дворъ.

Тюрьма содержитъ 317 одиночныхъ келій и 68 камеръ, т. е. помѣщеній для нѣсколькихъ заключенныхъ, и предназначена на содержаніе 700 узниковъ. Одиночныя кельи всѣ одинаковыхъ размѣровъ и, на взглядъ, имѣютъ 12 футовъ длины и 7 футовъ ширины, при 7-футовой вышинѣ, съ выбѣленными стѣнами и полами. Въ каждой находится приспособленіе для газа, неподвижный умывальникъ, жесткая кровать, которая можетъ на день откидываться къ стѣнѣ, и двѣ доски, точно также откидывающіяся къ стѣнѣ и замѣняющія столъ и стулъ, и, наконецъ, въ углу каморки около окна—новѣйшей конструкціи ватерклозетный стулъ съ чашкой, круглой крышкой и клапаномъ для вытягиванія дурного воздуха изъ ватерклозетной трубы. Такъ какъ я не имѣю въ виду подробно описывать эту тюрьму, а дѣлаю это лишь по стольку, поскольку это необходимо для объясненія происшествій, имѣвшихъ въ ней мѣсто, то я замѣчу здѣсь кратко, что содержаніе келій и корридора было весьма опрятно и что свѣтъ хорошаго лѣтняго дня достаточно проникалъ въ верхній этажъ. Въ нижнихъ же этажахъ было темновато и сыро и вентиляція повсюду нехороша. Такъ какъ всѣ кельи выходятъ окнами на внутренній дворъ, который въ сущности есть ни что иное, какъ

глубокій квадратный колодецъ, куда вѣтеръ съ трудомъ проникаетъ, то и движеніе воздуха въ нихъ, не смотря на искусственныя приспособленія, весьма медленное и недостаточное. Санитарныя условія зданія, какъ свидѣтельствуютъ больничные отчеты, очень неудовлетворительны. Даже когда зданіе было совершенно новымъ, и тогда 20% изъ общаго числа заключенныхъ подвергались больничному леченію по нѣсколько разъ въ теченіе года (въ тюрьмѣ находилось въ 1876 г. мужчинъ 1502, женщинъ—173, въ 1877 г. мужчинъ—1148, женщинъ—149, въ 1878 г. мужчинъ—1195, женщинъ—138, а всего 4305 человѣкъ; изъ этого числа было больныхъ—въ 1876 г. мужчинъ—146, женщинъ—33, въ 1877 г. мужчинъ—287, женщинъ—45, въ 1878 г. мужчинъ—296, женщинъ—40, а всего 848 ч.), а въ 1884 г. однихъ анемичныхъ и скорбутныхъ было 116 случаевъ (Отчет. главн. тюремн. управл. за 1884 г., стр. 234).

Леченіе политическихъ преступниковъ въ домѣ предварительнаго заключенія вообще поставлено хорошо и сопровождается нѣкоторыми смягченіями. Ихъ не заставляютъ носить арестантское платье, они пользуются разрѣшеніемъ видѣться съ родственниками и получать отъ нихъ книги и одежду, могутъ имѣть собственныя деньги на храненіи у смотрителя и заказывать себѣ обѣды, если пожелаютъ, въ ресторанѣ.

Разница содержанія въ этой тюрьмѣ сравнительно съ содержаніемъ въ крѣпостныхъ казематахъ весьма велика.

„Когда меня перевели изъ Трубецкого бастіона въ домъ предварительнаго заключенія (говорилъ мнѣ докторъ Соколовъ въ Сибири), мнѣ казалось, что я переселился съ кладбища въ гостиницу на многолюдной площади. Звуки шаговъ, журчанье вентиляціоннаго аппарата, сравнительно большое количество свѣта и воздуха въ камерѣ, голуби, перелетающіе около оконъ, слабый грохотъ экипажей въ прилежащихъ улицахъ, говорившій о хлопотливой и дѣятельной жизни города,—все это вмѣстѣ привело меня въ состояніе необычайной веселости. Въ монастырѣ (такъ прозвали политическіе Петропавловскую крѣпость) я, за исключеніемъ сторожа, никогда не видалъ живого существа и рѣдко слыхалъ какой-нибудь звукъ, кромѣ развѣ тихаго перестукиванія въ сосѣдней камерѣ. Въ домѣ предварительнаго заключенія наоборотъ я слышалъ всевозможные звуки и скоро могъ вступить въ разговоры со многими. На слѣдующій

же день моего переѣзда кто-то изъ находящихся въ камерѣ подо мной выстучалъ мнѣ по паровой трубѣ, проходившей подлѣ моей двери: „выпустите воду изъ вашего таза". Я подошелъ къ моему умывальнику, вылилъ воду, но ничего не нашелъ. Минутъ черезъ пять команда донеслась до меня снова, но въ нѣсколько измѣненной формѣ: „выпустите воду изъ вашего ватерклозетнаго таза". Тогда значеніе приказа осѣнило меня; стало ясно, что кто-то хочетъ со мной говорить черезъ посредство вытяжной трубы, тазъ которой сообщался съ моимъ. Когда мнѣ, послѣ небольшого труда, удалось поднять клапанъ, то до меня мгновенно донесся черезъ тазъ гулъ глухихъ человѣческихъ голосовъ, и я тотчасъ же былъ въ состояніи свободно разговаривать съ обитателями, большею частью политическими, одиннадцати другихъ камеръ".

Если читатель вообразитъ себѣ 6 большихъ буквъ игрековъ (Y), поставленныхъ одинъ надъ другимъ такимъ образомъ, что ножка каждаго входитъ въ расщепъ нижележащаго, то онъ получитъ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ устроены вытяжныя трубы въ этой тюрьмѣ. Рукава игрека оканчиваются въ каждомъ этажѣ въ ватерклозетныхъ тазахъ двухъ сосѣднихъ камеръ, а ножка составляетъ вѣтвь широкой перпендикулярной трубы, идущей отъ крыши къ землѣ и соединяющей такимъ образомъ 12 камеръ. Все, что нужно было сдѣлать обитателямъ этихъ 12 камеръ, чтобы начать бесѣду, это поднять водяной трапъ. Политическіе преступники, заключенные въ этой тюрьмѣ, вскорѣ открыли, что они могутъ разговаривать при помощи трубъ, и когда число узниковъ стало такъ велико, что пришлось наполнить всѣ камеры, то администрація не имѣла уже возможности помѣшать этому сообщенію. Дѣйствительно, всѣ попытки прекратить его были оставлены ею въ 1876 г. и политическіе преступники образовали такъ называемый „ватерклозетный" или „трубный" клубъ для общественныхъ собесѣдованій и взаимной поддержки. Каждый клубъ содержалъ 10 или 12 членовъ, имѣлъ свое названіе и свой уставъ. Часто на вопросъ, предложенный мною въ Сибири политическому ссыльному, знаетъ ли онъ то или другое лицо, я получалъ отвѣтъ: „О, да! я его никогда не видалъ, но знаю хорошо: онъ былъ членомъ моего трубнаго клуба въ домѣ Предварительнаго заключенія". Получившіе хорошее воспитаніе политическіе при помощи этихъ трубъ давали уроки менѣе

образованнымъ товарищамъ, обучали языкамъ, читались сообща газеты, и вообще трубы эти исполняли то же назначеніе, какъ говорильныя и пневматическія трубки въ большихъ общественныхъ зданіяхъ. Г-жа Медвѣдева, вышедшая впослѣдствіи замужъ за русскаго писателя Мачтета, прочла вслухъ членамъ своего клуба весь Тургеневскій романъ „Новь". Заключенные не ограничивались одними устными разговорами, но употребляли также эти трубы для пересылки пакетовъ изъ одной камеры въ другую въ предѣлахъ своего клуба. Одинъ изъ обитателей верхнихъ этажей, напримѣръ, скручивалъ изъ куска своей кроватной простыни длинную веревку, тщательно привязывалъ къ ней хорошо закупоренный пакетикъ, бросалъ или проталкивалъ его по боковой трубѣ своего ватерклозета до главной перпендикулярной трубы и затѣмъ пускалъ ниже. Заключенный нижней камеры, для котораго посылка предназначалась, не могъ достать ея, когда она висѣла въ главной трубѣ, но онъ держалъ наготовѣ веревку съ прикрѣпленной къ концу небольшею тяжестью и тоже продѣвомъ ее до главной трубы, и вотъ оба заключенные начинали подергивать оба шнура вверхъ и внизъ до тѣхъ поръ, пока они не переплетались между собой, послѣ чего нижній узникъ протаскивалъ посылку въ трубку своего ватерклозета. Благодаря этому способу, а также при помощи шнурковъ, переходившихъ, качаясь на подобіе маятника, отъ окна къ окну, удавалось передавать небольшіе предметы по всей тюрьмѣ.

Лѣтомъ 1876 г., когда въ домѣ предварительнаго заключенія набралось болѣе 300 политическихъ преступниковъ, они порѣшили между собой отпраздновать 14 іюля, столѣтіе Американской республики. Уже съ первой недѣли іюня узники начали готовиться къ празднику, поручивъ навѣщавшимъ ихъ роднымъ прислать въ тюрьму, будто для ношенія, нѣсколько красныхъ и синихъ платковъ карманныхъ и шейныхъ, рубашекъ и красныхъ фланелевыхъ кальсоновъ, а тѣ изъ нихъ, которые имѣли разрѣшеніе имѣть свѣчи, стали покупать и скапливать свѣчи. Цвѣтная одежда была разрѣзана на лоскутки, свѣчи превращены въ дюймовые огарки, и то и другое было при помощи ватерклозетныхъ трубъ распредѣлено по всей тюрьмѣ. Тѣ изъ женщинъ, которымъ позволено было имѣть иголки и нитки и шить въ своихъ камерахъ, успѣли приготовить нѣсколько грубыхъ американскихъ флаговъ, и еще до 1-го іюля почти

каждый политическій имѣлъ въ тюрьмѣ или флагъ или нѣсколько лоскутьевъ краснаго, бѣлаго и синяго цвѣта, а также нѣсколько дюймовыхъ свѣчекъ. Солнце встаетъ въ широтѣ Петербурга лѣтомъ очень рано, и утромъ 14 іюля, прежде чѣмъ первая полуночная пушка въ Филадельфіи объявила начало великаго національнаго торжества, сотни американскихъ флаговъ и вымпеловъ, красно-бѣло-синихъ, развѣвались уже изъ рѣшетчатыхъ оконъ политическихъ по всему квадрату большой петербургской тюрьмы, и члены тюремныхъ клубовъ кричали „ура“, пѣли патріотическія пѣсни и обмѣнивались поздравленіями черезъ трубы съ товарищами своего клуба. Конечно, праздникъ этотъ не долго длился. Тюремныя стражи, никогда не слыхавшіе объ объявленіи независимости и не понимавшіе значенія этой демонстраціи, быстро схватили и прибрали флаги и 3-хъ цвѣтные вымпела. Но у многихъ узниковъ оставался еще этотъ матеріалъ въ запасѣ, а потому время отъ времени въ теченіе всего дня красно-бѣло-синіе лоскутки тайно появлялись то въ томъ, то въ другомъ окнѣ и подвязывались къ прутьямъ рѣшетки. Наконецъ вечеромъ въ условленный часъ политическіе зажгли свои свѣчные огарки, прикрѣпили ихъ къ своимъ окнамъ, и торжество окончилось хотя и скудною, но тѣмъ не менѣе замѣтною иллюминаціею большого тюремнаго квадрата.

Есть для меня что-то глубоко-трогательное и печальное въ этой попыткѣ 300 политическихъ преступниковъ отпраздновать вмѣстѣ, во мракѣ и безмолвіи русской тюрьмы, столѣтнюю годовщину рожденія свободнаго народа. Въ сравненіи съ знаменами, фейерверками, военной музыкой и блестящимъ великолѣпіемъ торжествующей свободы въ Филадельфіи, эти грубые лоскутья, висѣвшіе въ рѣшетчатыхъ окнахъ, эти выкрики „ура“, пѣніе патріотическихъ пѣсенъ черезъ ватерклозетныя трубы, эти маленькіе огарки, слабо освѣщавшіе мрачный и молчаливый квадратъ петербургской тюрьмы могутъ показаться жалкими, безполезными и ничтожными; но съ точки зрѣнія духовнаго значенія, празднованіе въ домѣ тюремнаго заключенія въ русской столицѣ годовщины американской свободы является событіемъ необыкновеннымъ и для сердца и воображенія свободнаго человѣка не менѣе внушительнымъ, чѣмъ грандіозная филадельфійская демонстрація. Человѣческія дѣянія нельзя цѣнить только по производимому ими сценическому эффекту, но

надо брать въ расчетъ и проявляющіяся въ нихъ человѣческія чувства и намѣренія. Когда Марія Магдалина умыла ноги Учителя въ знакъ своей преданности и любви, въ отвѣтъ на это трогательное вниманіе Христосъ сказалъ: „она сдѣлала, что могла“. И когда русскіе революціонеры вывѣсили самое грубое подражаніе знаменамъ и зажгли ночью свои накопленные огарки въ знакъ выраженія своей любви къ свободѣ и симпатій къ торжеству болѣе свободнаго и счастливаго народа, то хотя и эта демонстрація слишкомъ проста и также скудна, но они сдѣлали, что могли. Многіе изъ нихъ были изнурены болѣзнями и продолжительнымъ заточеніемъ; многіе изъ нихъ только что были приведены изъ молчаливыхъ казематовъ Петропавловской крѣпости, гдѣ они потеряли счетъ днямъ и мѣсяцамъ; многіе изъ нихъ жили въ ожиданіи тягостей и лишеній сибирской жизни, а надъ нѣкоторыми уже носилась мрачная тѣнь эшафота; но и въ своемъ уединеніи, безгласіи и бѣдствіяхъ они не забыли сотой іюльской годовщины. То немногое, что они могли сдѣлать для выраженія своей преданности свободѣ и своихъ симпатій къ свободному народу въ годовщину его освобожденія, они сдѣлали смѣло; и духъ, оживлявшій ихъ, превращаетъ ихъ жалкое празднество съ трехцвѣтными лоскутками и крохотной иллюминацій въ нѣчто неизмѣримо болѣе знаменательное въ лѣтописи міровой исторіи, чѣмъ вся та роскошь и церемоніалъ, какими сопровождаются многія другія помпезныя торжества.
